

Баркова Екатерина Григорьевна

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СТРУКТУРА РОМАНА И. В. ГЁТЕ "СТРАДАНИЯ ЮНОГО ВЕРТЕРА" В КОРРЕЛЯЦИИ С КОНТЕКСТОМ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

Статья освещает один из актуальных вопросов, касающихся исследования романа И. В. Гёте "Страдания юного Вертера". Анализу подвергается концептуальное поле, структура произведения, а также корреляции в их изменениях. Статья предлагает рассматривать роман в совокупности с предшествующими ему произведениями И. Гердера, Ф. Клопштока и Дж. Мильтона для достаточного обоснования исследования.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/5-1/2.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (23): в 2-х ч. Ч. I. С. 18-21. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Говоря о несомненной пользе этого вида работы, М. Р. Львов констатирует, что, к сожалению, в школе (особенно в начальных классах) редко издаются стенгазеты [6, с. 147].

Трагическая судьба К. Б. Бархина на долгие годы определила недоступность его работ для специалистов-лингводидактов и учителей-словесников. Мысли и идеи, высказанные ученым в 20-30-е гг. прошлого века, развиваются и совершенствуются современной методической наукой, однако многие грани его творческого наследия еще недостаточно проанализированы и не нашли должного применения в школьной практике речевого развития учащихся.

Список литературы

1. Бархин К. Б. Культура слова: метод. пособие для преподавателей 2 ступени. М.: Работник просвещения, 1929. 229 с.
2. Бархин К. Б. Развитие речи: метод. пособие для учителей. М.: Учпедгиз, 1936. 120 с.
3. Бархин К. Б. Сборник упражнений по стилистике. М.: Учпедгиз, 1937. 127 с.
4. Бархин К. Б. Творческая работа по родному языку: статьи и материалы: метод. пособие для преподавателей. Киев: Гос. изд-во Украины, 1937. 307 с.
5. Лурия А. Р. Язык и сознание. М.: Изд-во МГУ, 1979. 319 с.
6. Львов М. Р. Методика развития речи младших школьников: пособие для учителя. Изд-е 2-е, перераб. М.: Просвещение, 1985. 176 с.
7. Текучев А. В. Очерки по методике обучения русскому языку. М.: Педагогика, 1980. 230 с.
8. Шереметевский В. П. Статьи по методике начального преподавания. М., 1936. 145 с.

QUESTIONS OF ORAL AND WRITTEN SPEECH TEACHING INTERRELATION IN METHODOLOGICAL SYSTEM OF K. B. BARKHIN'S PUPILS SPEECH CREATIVE SKILLS DEVELOPMENT IN THE ASPECT OF MODERN LINGUO-DIDACTICS PROBLEMS

*Avdonina Anna Yur'evna, Ph. D. in Pedagogy
Volga Region Social-Classical Academy
avdonina1911@yandex.ru*

The author discusses the currently topical problem of students' speech development in their native language, and pays special attention to the analysis of K. B. Barkhin's methodological heritage concerning the questions of pupils' oral and written speech interrelation in the aspect of the problems of modern linguo-didactics and pupils' speech development practice.

Key words and phrases: teaching oral and written speech; connected speech; speech creativity; speech activity; targeting of speech; communication; communicant; teaching to write; pupils' speech creative skills.

УДК 81

Филологические науки

Статья освещает один из актуальных вопросов, касающихся исследования романа И. В. Гёте «Страдания юного Вертера». Анализу подвергается концептуальное поле, структура произведения, а также корреляции в их изменениях. Статья предлагает рассматривать роман в совокупности с предшествующими ему произведениями И. Гердера, Ф. Клопштока и Дж. Мильтона для достаточного обоснования исследования.

Ключевые слова и фразы: концепт; концептуальная структура; концептуальная ориентированность; эмотивный концепт; понятийное поле; языковая личность; индивидуальное и общественное сознание.

Баркова Екатерина Григорьевна

*Ставропольский государственный аграрный университет
taurinako@mail.ru*

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СТРУКТУРА РОМАНА И. В. ГЁТЕ «СТРАДАНИЯ ЮНОГО ВЕРТЕРА» В КОРРЕЛЯЦИИ С КОНТЕКСТОМ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ[©]

Роман И. В. Гёте был создан на рубеже двух эпох, классицизма и «Бури и натиска», как своеобразная веха. Интерес к этому произведению до сих пор проявляют многие социологи, психологи, литературоведы и лингвисты. Примыкая к европейской традиции эпистолярного жанра, которая берет свое начало в сентиментальных романах 1740-х гг., произведение Гёте в то же время преодолело её. С композиционной стороны существенное своеобразие «Вертера» заключается в том, что вместо переписки Гёте дает лишь письма главного героя, адресованные неизвестному другу. Благодаря этому монологический роман Гёте, достигая максимальной сосредоточенности на внутреннем мире героя, приобретает лирическую окраску: весь мир показан в нем сквозь призму субъективного переживания, что побудило ряд исследователей рассматривать «Вертера» как лирический дневник в письмах, где одинокое «Я» вступает в разговор с самим собой [8, с. 127].

Главная коммуникативная функция произведения («пусть эта книжка будет тебе другом, если по воле судьбы или по собственной вине ты не найдешь себе друга более близкого») носит эмпатический характер, что отражается в изменчивом концептуальном поле романа [2]. В данной статье мы предложим условно разделить универсум концептов на три фрагмента: 1) фрагмент «инициации»; 2) фрагмент «конфликта»; 3) фрагмент «поражения». Для достаточного обоснования такой классификации требуется дать исторический комментарий.

Языковая личность автора, И. В. Гёте, была подвержена существенному влиянию эпоса Оссиана, лирики Ф. Г. Клопштока и философии Д. Мильтона и И. Г. Гердера. Мы последовательно проиллюстрируем корреляции концептуальной ориентированности автора «Вертера», обусловленные зависимостью от концептуальных полей произведений упомянутых писателей и философов.

В работах по языкознанию неоднократно высказывалось справедливое суждение, что язык и общество развиваются неотделимо друг от друга (см. [4; 7; 11; 12]), поэтому было бы некорректно рассматривать понятийное поле романа И. В. Гёте в отрыве от данной дихотомии. Цельность анализу в данной статье будет придавать рассмотрение трактатов Мильтона и концепции Гердера. Аллюзии на «Идеи к философии истории человечества» И. Гердера прослеживаются в концептуальном поле двойственной ориентированности языковой личности автора романа: человек как образ Бога, наделённый «самым сложным и тонким органическим строением», и как животное, ведомое инстинктом [5]. В упомянутых примерах можно усмотреть чёткую связь с философскими воззрениями Д. Мильтона, давшими почву для сдвигов в сознании передовых групп немецкой буржуазии. В условиях немецких реалий двойственность философии Мильтона не могла быть полностью усвоена, однако немецкие мыслители всё же восприняли ряд особенностей его мышления: ноты социально-политического протеста, необходимость победы разума над страстями, идею единства души и тела и разницу между животным и человеком «лишь в степени» [16]. Просветление, отказ от борьбы, пропагандируемые в «Возвращённом раю», более соответствовали обстановке в Германии XVIII в. [3, с. 56]. Вводя в сознание реципиента идею воспитания гуманности, Гёте оперирует абстракциями «Hohes und Vornehmes» (возвышенное и изысканное) и конкретным именем «Bauerbursch» (крестьянский парень). Автор предлагает аудитории понятия, различные не только с точки зрения семантики, но также различные по градуированности абстрактное-конкретное. Совершенствование, возвращение «способности человечности» (включающее в себя участливость, сочувствие, дружеское общение) воплощены в дескриптивных блоках произведения: «...reine Neigung, die Liebe und Treue dieses Menschen...» - «...представление о чистоте чувства, о любви и преданности этого человека...» [6, с. 6-7; 15, S. 8].

Иоганн Готфрид Гердер справедливо предлагал «всё рассматривать с точки зрения духа своего времени» [5, с. 10] и высказывал мысль, что каждый народ имеет и должен иметь литературу и язык, проникнутые национальным духом [9, с. 50; 17, S. 16]. Вслед за Гердером герой Гёте вводит в сознание реципиента народные образы: «*Da kommen die Mädchen aus der Stadt und holen Wasser, das harmloseste Geschäft und das nötigste, das ehemals die Töchter der Könige selbst verrichteten.*» - «И городские девушки приходят туда за водой - простое и нужное дело, царские дочери не гнушались им в старину»; «...*fand ein junges Dienstmädchen, das ihr Gefäß auf die unterste Treppe gesetzt hatte...*» - «...увидел, как молоденькая служанка поставила полный кувшин на нижнюю ступеньку...»; «*Sie sind vertraut, erzählen mir allerhand...*» - «Дети доверчиво рассказывают мне всякую всячину» [6, с. 9; 16, р. 10]. В трактате И. Гердера высказывается мысль о том, что «благородные обязанности человека состоят в сохранении жизни и участии жизни других, в общении с ними» [5, с. 56]: «*Wenn ich mich manchmal vergesse, manchmal mit ihnen die Freuden genieße, die den Menschen noch gewährt sind, ... das tut eine ganz gute Wirkung auf mich...*» - «мне крайне полезно забытья иногда, вместе с другими насладиться радостями, отпущенными людям...» [6, с. 12; 15, S. 14]. Вертер как отражение личности автора формирует у аудитории образ не культивированного, но естественного, близкого к природе человека, активно используя концепты «Leidenschaft» (пылкость), «Offen- und Treuherzigkeit» (открытость и чистосердечность), «...mein Herz die Natur umfaßt...» - «приобщение сердцем к природе», интегрируя понятия также из смежного поля: «Traum» (сон), «Ahnung» (предчувствие), «dunkle Begier» (смутное вожеление). В каждом из писем романа наряду с этими понятиями упоминаются «ruhiges Dasein» (покой), «ewige Wohne» (вечное блаженство).

Таким образом, первый фрагмент и этап развития языковой личности представляю собой антитезу «Leidenschaft» (как не сдерживаемая рассудком страсть, необузданность, пылкое воображение), что можно интерпретировать как идею сохранения жизни Гердера, и «Ruhe» (покой), смертность, присущая животной составляющей человека [2]. Данная часть понятийного поля романа соответствует одному из «пластов» поэзии Оссиана – раннему, для которого характерны резкие переходы от свободолобивых настроений к сентиментальности, реализм, едва тронутый сказочным, мифологическим элементом [1, с. 67; 10, с. 90-91]. В концептуальном поле языковой личности героя занимают явно центральные позиции свободолобивые настроения, ещё мало тронутые процессом классового настроения: «*Wie oft lull' ich mein empörtes Blut zur Ruhe, denn so ungleich, so unstat hast du nichts gesehn als dieses Herz.*» - «Часто стараюсь я убаюкать свою мятежную кровь; недаром ты не встречал ничего переменчивей, непостоянней моего сердца!» [6, с. 14; 15, S. 16].

В цепочку аллюзий включается и Ф. Клопшток, прямо упомянутый в романе Гёте: в универсум понятий интегрируется идея смирения, осложняемая создающей трагическую ситуацию проблемой своеволия: «...*dann sehne ich mich oft und denke :ach könntest du das wieder ausdrücken, könntest du dem Papieredasein hauchen, was so voll, so warm in dir lebt, daß es würde der Spiegel deiner Seele, wie deine Seele ist der Spiegel des unendlichen Gottes! ...aber ich gehe darüber zugrunde, ich erliege unter der Gewalt der Herrlichkeit dieser Erscheinungen.*» - «...меня часто томит мысль: “Ах! Как бы выразить, как бы вдохнуть в рисунок то, что так полно, так трепетно живет во мне, запечатлеть отражение моей души, как душа моя - отражение предвечного бога!” ...Но нет!

Мне не под силу это, меня подавляет величие этих явлений» [6, с. 14-15; 15, S. 16-17]. Клопшток также был подвержен двойственности и иррациональности философии Мильтона [3; 19]. Порыв и покорность – «*Ich will nun suchen, auch sie ehstens zu sehn, oder vielmehr, wenn ich's recht bedenke, ich will's vermeiden*». – «*Постараюсь поскорей увидеть эту женщину, впрочем, если подумать, пожалуй, лучше воздержаться от этого*» – ещё один яркий пример антитезы и почвы для конфликта в романе [6, с. 15; 15, S. 18].

Гёте как представитель элитарной прослойки своей эпохи считал справедливой гердеровскую концепцию высшей гуманности («Религия – это упражнение сердца в нравственном совершенствовании» [5, с. 35]), что находит своё отражение в целом понятийном поле: «Paradiese», «Dasein», «die innerste Seele», «die ängstlichen Gebete», «Vergötterung», «Heilige» [6; 15]. Можно предположить, что трагический исход романа был инспирирован заключительным утверждением Гердера, что «за всякой ошибкой следовало возмездие» – за несправедливость, косность и леность [5, с. 35]. В этом автор романа уже обнаруживает свою немецкую оригинальность, открывая аудитории особенности реалий Германии.

Немецкий пиетизм, давший начало романтизму и доминировавший в произведениях немецких авторов XVIII столетия, воплощён в концепте «бессильное смирение», окружённом понятиями покорности высшей, недоступной человеку мудрости и пассивности: «...wenn ich die **Einschränkung** ansehe, in welcher die tätigen und forschenden Kräfte des Menschen eingesperrt sind; wenn ich sehe, wie alle Wirksamkeit dahin ausläuft, sich die Befriedigung von Bedürfnissen zu verschaffen, die wieder **keinen Zweck** haben, als unsere **arme Existenz zu verlängern**...» – «*Я теряю дар речи..., когда наблюдаю, какими **тесными пределами** ограничены творческие и познавательные силы человека, когда вижу, что всякая деятельность сводится к удовлетворению потребностей, в свою очередь имеющих только **одну цель** – **продлить наше жалкое существование**...*» [6, с. 16; 15, S. 18]. Первый фрагмент концептуального поля романа представляет собой заключительный этап эпохи Просвещения и подготавливает реципиента к следующему шагу – конфликту, социально-политическому протесту. По мнению исследователей, пиетизм и пассивность героев Клопштока не могли надолго удовлетворить бюргерскую аудиторию (и конкретного её представителя, Гёте) [19], что также нашло своё отражение в понятийном «пласте» «Страданий юного Вертера»: противоположные понятия «творчество», «сила», «фантазия» и «ограничение», «бессилие» сталкиваются у Гёте в пределах одного предложения, что свидетельствует о крайней степени напряжённости: «...alle **Beruhigung** über gewisse Punkte des Nachforschens nur einträumende Regignation ist, da man sich die **Wände**, zwischen denen man **gefangen** sitzt, mit bunten Gestalt enundlichten Aussichten bemalt...» – «...**бессильное смирение фантазеров**, которые расписывают стены своей **темницы** яркими фигурами и привлекательными видами...», «Wie oft **lull' ich mein empörtes Blut zur Ruhe**...» – «*Часто стараюсь я **убаюкать** свою **мятежную кровь**...*», «...so **ingeschränkt** er ist, halt er doch immer im Herzen das süße Gefühl der **Freiheit**, und daß er diesen **Kerker verlassen kann**...» – «...при всей своей **беспомощности**, в душе он хранит сладостное чувство **свободы** и сознание, что может **вырваться из этой темницы**...» [6; 15].

Концептуальное поле романа отражает результат незрелости материализма идей общественного сознания XVIII века: аллюзивная связь Гёте-Клопшток-Мильтон интегрирует противоречивую мысль о свободе воли человека и допускаемом всемогуществе бога [5; 16; 19]. Второй пласт концептов «Страданий юного Вертера» коррелирует с изменениями характера содержания поэм Оссиана: реализм сменяется фантастикой, прошлые события даются в сказочной дымке, сильно выражен элемент лиризма: «*Wie ich mich unter dem Gespräch ein den schwarzen Augen **weidete** – wie ich, in den **lebendigen Lippen** und die **frischen, muntern Wangen** meine ganze Seele anzogen – wie ich, in den **herrlichen Sinn ihrer Rede ganz versunken**, oft gar die **Worte nicht hörte**... ich stieg aus dem Wagen wie ein **Träumender**, als wir vor dem Lusthause stille hielten, und war so in **Träumen rings in der dämmernden Welt verloren**, daß ich auf die Musik kaum achtete...*» – «*Как любовался я во время разговора ее черными глазами! Как тянулся душой к **выразительным губам**, к **свежим, цветущим щекам**, как, **проникаясь смыслом ее речей**, я порою не слышал самих слов... когда мы подъехали к бальному павильону, я вышел из кареты **точно во сне** и так замечтался, **убаюканный вечерним сумраком**, что не слышал музыки...*». Гёте применяет излюбленный приём Клопштока – Вертер «застывает» в экстазе и повествует о происходящих событиях в хвалебной форме: «...ich weiß weder daß Tag noch daß Nacht ist, und die ganze Welt verliert sich um mich her.» – «...я не знаю, где ночь, где день, я не вижу ничего кругом» [6, с. 14; 15, S. 16]. Реципиент воспринимает возросшее напряжение посредством увеличения частотности нераспространённых восклицательных конструкций и расширившегося эмотивного концепта романа. Возрастает доля нарративного блока, поскольку ориентация сознания направлена вовне и закрепляется на «настоящем». Активизируется связь «любовь – страдания» посредством перевода: «*Mein ganzes Herz war voll in diesem Augenblicke; die Erinnerung so manches Vergangenen drängte sich an meine Seele, und die Tränen kamen mir in die Augen*». – «*Сердце мое переполнилось в этот миг; воспоминания о том, что было выстрадано когда-то, теснились в груди, и на глаза навернулись слезы*», и смещается центр сознания, повторяя историческую эволюцию теологических взглядов в антропоцентрические: «...wie wert ich mir selbst werde...» – «*Как это возвышает меня в собственных глазах!*» [Там же]. Конфликт и его неизбежность воплощены в сравнениях «любовь – стихия»: «*Ich ziehe zurück wie vom **Feuer**...*» – «*Я отшатываюсь, как от **огня**...*», «*ich glaube zu **versinken**, wie vom **Wetter** gerührt...*» – «...я **тону**, захлёбнутый **ураганом**...». Концептуальное поле расширяется в сторону эскапизма: «...ich habe manchmal so einen Augenblick aufspringenden, abschüttelnden Muts, und da – wenn ich nur wüßte wohin, ich ginge wohl». – «...у меня бывают минуты такого мужества, когда я готов вскочить, все стряхнуть с себя и бежать, вот только не знаю – куда» – и антитезы «Leidenschaft/Trunkenheit – vernünftigen, sittlichen Leute». Примечательно, что «порыв, увлечение» сравниваются с «опьянением» – гердеровский образ естественного в своих проявлениях человека подвергается критике «разумников», «трезвых

людей». Концепт «опьянение» («aus dem schäumenden Becher des Unendlichen jene schwellende Lebenswonne zu trinken» [6, с. 20; 15, S. 22]) можно трактовать как порыв в бесконечное «Мессиады» Клопштока и взрыв энергии во втором пласте поэм Оссиана.

Сменяющее задор и тягу к грандиозному («die herrlichen Gestalten der unendlichen Welt bewegten sich allbelebend in meiner Seele» [6, с. 20-21; 15, S. 22]) «уныние» открывает новую область концептуального поля и планомерно интегрирует фрагмент «поражения». Заметим, что фрагмент «поражение» отсылает сознание реципиента к началу романа, однако те же концепты обогащаются совершенно другим контекстом и смыслом: если в первом блоке романа преклонение перед природой окружалось понятиями «Allmächtige», «ewige Wonne», «Seele ... der Spiegel des unendlichen Gottes», которые могли бы быть объединены как «благоговение», то в пласте «конфликта» концептуальное поле сменяет оттенок на «отчаяние»: «die unergründlichen Kräfte», «unzugänglich», «eingeschränkte Kraft». Именно в последнем, завершающем пласте концепту «жизнь» противопоставляется «смерть», «могила»: «*Es hat sich vor meiner Seele wie ein Vorhang weggezogen, und der Schauplatz des unendlichen Lebens verwandelt sich vor mir in den Abgrund des ewig offenen Grabes*». – «Передо мной словно поднялась завеса, и зрелище бесконечной жизни превратилось для меня в бездну вечно отверстой могилы» [6, с. 22; 15, S. 24], впервые упомянуто понятие самоубийства как единственно сильного действия протеста. Закрытость структуры романа, закрытость концептуального поля обусловлена, как уже упоминалось, историческим контекстом – тщетные усилия передовых представителей буржуазии перед инертностью немецкого общественного сознания. Длительное «подавление» и «смирение» сменяются «тревожной апатией», «смятением», а затем и «пустотой», «гибелью»: «*Ich schaudre nicht, den kalten, schrecklichen Kelch zu fassen, aus dem ich den Taumel des Todes trinken soll!*» - «*Без содрогания беру я страшный холодный кубок, чтобы выпить из него смертельный хмель!*» [6, с. 25; 15, S. 27].

В заключение заметим, что роман И. В. Гёте многослоен и представляет собой ценный материал для многоплановых исследований не только в области лингвистики, но также и психологии. Индивидуальное сознание в условиях исторического контекста XVIII века не могло поглотить установки общественного, что подтверждается развёртыванием концептуальных полей не только «Страданий юного Вертера», но также и предшествующих Гёте, с которыми роман тесно связан многими аллюзиями, – Оссиана, Мильтона, Клопштока и Гердера.

Список литературы

1. Балобанова Е. В. К вопросу об оссиановском цикле сказаний. СПб.: Амфора, 2000. 160 с.
2. Баркова Е. Г. К вопросу о проблематике индивидуального сознания на срезе двух языковых культур: юниорский этап // Моделирование производственных процессов и развитие информационных систем: сб. материалов III международной научно-практической конференции / СтГАУ. Ставрополь: Бюро Новостей, 2011. С. 259-261.
3. Васютинский В. А. Джон Мильтон. Литературная энциклопедия. М.: Российская энциклопедия, 2006. 544 с.
4. Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет: в 2-х т. М.: Мысль, 1973. 1298 с.
5. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. 704 с.
6. Гёте И. В. Страдания юного Вертера. СПб.: Наука, 2001. 252 с.
7. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 456 с.
8. Данилевский Р. Ю. Гете в России. Конспективный очерк // Гете. Жизнь. Творчество. Традиции. СПб., 2002.
9. Иконникова С. Н. Теория культуры. СПб.: Питер, 2008. 592 с.
10. Маслов В. И. Оссиан в России // Библиография русских переводов, переделок и подражаний Оссиану в конце XVIII и в начале XIX в. М.: Наука, 1999. 260 с.
11. Поливанов Е. Д. Круг современных проблем современной лингвистики // Русский язык в советской школе. М., 1929. № 1. С. 57-62.
12. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Аспект Пресс, 2007. 260 с.
13. Deutsches Wörterbuch von J. Grimm und W. Grimm. Leipzig: Plöttner Verlag, 1971. 1224 S.
14. Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin: 4. Verlag, 2010. 960 S.
15. Goethe I. W. Die Leiden des jungen Werthers. Berlin: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2007. 240 S.
16. Havens R. D. The Influence of Milton on English Poetry. Oxford: University Press, 2011. 742 p.
17. Herder J. G. von. J. G. von Herder's ausgewählte Werke in zwei Bänden. Stuttgart/Tübingen: Cotta, 2000. 1000 S.
18. Masson D. M. Life of Milton. Cambridge: Cambridge University Press, 1894. 142 p.
19. Muncker Fr. Klopstock. Geschichte seines Lebens und seiner Schriften. Berlin: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2011. 582 S.
20. Mutschmann H. Miltons eyesight and chronology of works. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 200 p.

CONCEPTUAL STRUCTURE OF NOVEL "THE SORROWS OF YOUNG WERTHER" BY J. W. GOETHE IN CORRELATION TO PUBLIC CONSCIOUSNESS CONTEXT

Barkova Ekaterina Grigor'evna
Stavropol' State Agrarian University
maurinako@mail.ru

The author covers one of the significant issues relating to the study of J. W. Goethe's novel "The Sorrows of Young Werther", analyzes the conceptual field, work structure, as well as the correlations in their changes, and suggests considering the novel together with preceding works by I. Herder, F. Klopstock and J. Milton for the sufficient substantiation of the study.

Key words and phrases: concept; conceptual structure; conceptual orientation; emotive concept; conceptual field; linguistic personality; individual and social consciousness.